

*Е. Ю. Сергеев,
доктор исторических наук, Институт российской истории РАН*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются важнейшие особенности Первой мировой войны как тотального конфликта глобального масштаба, а также доминирующие в современной историографии подходы к ее изучению. В число последних автор включает междисциплинарность, компаративизм, отказ от европоцентризма и повышенное внимание к человеческому фактору.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, компаративизм, междисциплинарный подход.

E. Yu. Sergeev

NEW APPROACHES TO THE FIRST WORLD WAR STUDIES

Summary: In the article the author examines the main features of WWI as a total conflict on the global scale along with new methods that are used by modern historians, such as interdisciplinary, comparative approaches, denial of eurocentrism, and prior attention to human factor in history.

Keywords: World War I, Russian empire, comparative studies, interdisciplinary approach.

Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась величайшим испытанием в новейшей истории цивилизации. Никогда ранее сам характер и последствия вооруженного столкновения не приобретали таких катастрофических масштабов. Никогда прежде так тесно не переплетались социальные, политические, экономические, духовные факторы, повлиявшие на судьбы десятков миллионов людей.

Хорошо известно, что войну ожидали и готовили не только венценосные особы, политики, генералы или промышленные магнаты, но и обычные люди. Часть общественных сил надеялась, что вселенская катастрофа приведет к катарсису, т.е. очищению мира от всего того, что препятствовало его прогрессу и процветанию. Другие современники тех эпохальных событий, наоборот, рассчитывали, что победоносное окончание скоротечных, как им представлялось, боевых действий позволит добиться национального либо имперского единения, способствуя тем самым укреплению существующих режимов. Даже многие

жители колониальных и зависимых стран выступали за эскалацию вооруженного противостояния великих держав, рассчитывая добиться уступок и преференций от воюющих коалиций. Таким образом, раскручивание спирали гонки вооружений и пропагандистской кампании в средствах массовой информации перед началом войны продемонстрировали ограниченное понимание большинством человечества глубины той бездны, на краю которой оно оказалось почти сто лет назад — летом 1914 г.¹

Последующие трагические события продемонстрировали, что военные действия приобрели поистине глобальный характер. 38 государств, включая доминионы Британской империи, расположенных на всех континентах планеты, за исключением Антарктиды, с населением около 1,5 млрд чел. прямо или опосредовано участвовали в войне, которая впервые в истории проходила сразу в трех физических средах: на суше, море и в воздухе. Боевые действия развернулись на огромных пространствах от Атлантического до Тихого океана. Даже те государства, которые объявили нейтралитет, испытывали значительное воздействие со стороны противоборствующих коалиций.

На протяжении войны нейтралы выполняли ряд важных функций. Они выступали в качестве баз снабжения членов Антанты и Четверного союза вооружением, продовольствием и товарами широкого потребления, посредников в процессе дипломатических зондажей, центров гуманитарной помощи для десятков тысяч беженцев, раненых, военнопленных и интернированных лиц, наконец, площадок ожесточенной тайной войны иностранных разведок².

В то же время огромное большинство зависимых стран и народов т.н. колониальной периферии, как правило, оказывали всемерную помощь своим метрополиям различными путями: отправкой дополнительных воинских контингентов, использованием рабочей силы на строительстве объектов инфраструктуры, поставкой сырья и продуктов питания в постоянно возрастающих объемах, организацией ре-

¹ См.: *Joll J., Martel G. The Origins of the First World War. 2d ed. London, 1992; Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. I : Первая мировая война: исторический очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002; Романова Е. В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914. М., 2008; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; etc.*

² *Marrero F. Canarias en la Gran Guerra, 1914–1918, estrategia y diplomacia. Un estudio sobre la politica exterior de Espana. Las Palmas de Gran Canaria, 2006.*

монта боевой техники, обеспечением связи и проведением разведывательных операций. Откликаясь на призывы метрополий выступить плечом к плечу на борьбу против общего врага, формирующиеся местные элиты лелеяли надежду на то, что колонизаторы, ослабленные взаимным противоборством, окажутся вынужденными после окончания войны передать им часть властных полномочий³.

Характеризуя события 1914–1918 гг. как тотальный вооруженный конфликт глобального масштаба, необходимо также указать на три его особенности.

Одна из них заключается в том, что Великая, как ее вскоре называли современники, война впервые в истории носила **индустриальный** характер. Это означало, что таких традиционных условий достижения победы над противником, как мобилизационные резервы, запасы вооружения и боеприпасов и даже патриотический подъем в воюющих странах было явно недостаточно. Требовались умелая организация работы промышленных предприятий со стороны государственных органов, надежное функционирование всей логистической инфраструктуры, эффективное использование средств связи как в прифронтовой полосе, так и в тылу. Иначе говоря, практически вся территория стран — членов противоборствовавших группировок должна была стать единым военным лагерем посредством регулирования со стороны государства и активного содействия гражданского общества⁴.

Вторая важнейшая особенность войны обусловлена тем, что она стала **коалиционной**. Необходимо иметь в виду, что взаимодействие союзников по Антанте, имевшее большое значение для разгрома армий Четверного союза, осуществлялось через согласование стратегических планов, обеспечения поставок вооружения и боеприпасов, направления контингентов союзных войск на европейские и ближневосточные фронты, сотрудничество гуманитарных организаций, обмен разведывательной информацией, проведение совместных пропагандистских акций и т.д., хотя в наибольшей степени указанное взаимодействие стало осуществляться лишь с 1916 г. К сожалению, конституирование в ноябре 1917 г. главного координирующего органа антигерманской

³ См., напр.: *Strahan H. The First World War in Africa. Oxford, 2004.*

⁴ См.: *Gilbert M. The First World War. A Complete History. New York, 1996; Keegan J. The First World War. London, 2000; Strahan H. The First World War : To Arms. Oxford, 2001.*

коалиции — Верховного военного совета Антанты — происходило уже без России, хотя при сохранении демократической альтернативы поступательного развития Российской республики ее представители, без сомнения, заняли бы в этом органе достойное место⁵.

Наконец, третья отличительная черта глобального конфликта начала XX в., имевшая непосредственное отношение к Российской империи, состояла в том, что для нее война с самого начала явилась **Второй Отечественной**, о чем впоследствии стыдливо умалчивала официальная советская историография, но что всегда подчеркивали русские историки-эмигранты. Не случайно, по наблюдениям современников, текст царских манифестов начала августа 1914 г. напоминал обращения Александра I к народу Российской империи летом 1812 г., а сам Николай II сравнил события 1914 г. с военными действиями против Наполеона, заявив воспитателю наследника П. Жильяру 27 июля (9 августа): «Я уверен теперь, что в России поднимется движение, подобное тому, которое было в Отечественную войну 1812 г.»⁶.

Это восприятие агрессии Германии и присоединившихся к ней позднее Австро-Венгрии и Османской империи против России проявилось не только во всенародной поддержке военных усилий царского правительства на протяжении 1914–1916 гг., но и в таких конкретных мероприятиях, как добровольческое движение, деятельность различных общественных организаций, создание партизанских отрядов на территории, оккупированной противником⁷. Кроме того, как свидетельствуют документы, на русско-германском, русско-австрийском и Кавказском фронтах случаи героизма со стороны солдат и офицеров царской армии были отнюдь не единичным явлением. Даже осенью 1917 г. далеко не все военнослужащие демократизированных вооруженных сил

⁵ *Люттов И.С., Носков А.М.* Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988; *Wallach J.* Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I. Westport, Conn, London, 1993; *Павлов А.Ю.* Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008.

⁶ Цит. по: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 76.

⁷ Примечательно, что многие современники даже называли Первую мировую войну Великой Отечественной. Идеологическое обоснование такого восприятия можно найти, например, в следующих изданиях: *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915; *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Пг., 1916.

России предавались пораженческим настроениям, продолжая демонстрировать готовность отдать свои жизни за победу над врагом, как это проявилось, например, в ходе Моонзундского сражения 12–19 октября 1917 г.⁸

Переходя к социально-экономическим и политическим последствиям многомесячной войны на истощение, укажем на многие качественные изменения в общественной жизни государств, затронутых пламенем войны. Фактически она подготовила ротацию состава властных элит, выдвинув на политическую авансцену харизматических лидеров новой генерации — от Владимира Ленина и Льва Троцкого в России до Мустафы Кемала в Турции и Бенито Муссолини в Италии. Характерно, что один из крупных британских историков XX в. назвал Великую войну «национальной, политической и социальной революцией на обширных просторах Европы»⁹. Добавим: не только Европы, но и Азии.

Прежнее доминирование т. н. «аристократии крови» в высших эшелонах власти подошло к концу. На смену ей пришли элиты «мантии и денежного мешка» — эффективные бюрократы и удачливые финансово-промышленные магнаты, которые нередко опирались на популистов вроде тех же Гитлера и Муссолини. Положительными моментами общественной трансформации явилось, с одной стороны, достижение политического равноправия женщин и мужчин, а с другой — вовлечение в активную общественную деятельность миллионов молодых людей, многие из которых прошли через кровавый ад войны. Даже вкусы и мода претерпели существенные изменения, отразившие победу нового, индустриального уклада жизни¹⁰.

В результате катастрофы 1914–1918 гг. коренным образом изменился глобальный геостратегический ландшафт. Ушли в прошлое империи, казавшиеся совсем недавно вечными: Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская. На их руинах возникли национальные государства, которые вступили на путь самостоятельного развития,

⁸ Шаццло В. К. Последняя война царской России. М., 2010; Базанов С. Н. За честь и величие России // Забытая война. М., 2011. С. 333–461; Mackeen S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011. P. 214–233; etc.

⁹ Seton-Watson R. W. Britain and the Dictators. S. l., 1938. P. 52.

¹⁰ См.: Война и общество в XX века : в 3 кн. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. В. А. Золотарев ; отв. ред. С. В. Листиков. М., 2008.

сопряженный с огромными трудностями¹¹. В то же время правящие группы, а частично и широкие слои населения впервые осознали необходимость государственного регулирования экономики. По сути дела, именно война подтолкнула общественную мысль к формулированию таких основополагающих для современной цивилизации теорий, как концепция «всеобщего благоденствия» или модель «социально-ориентированной экономики». А в пространстве международных отношений получили концептуальное оформление идеи интеграции стран и народов под эгидой всемирной организации, которая в ходе работы Парижской и Вашингтонской конференций приобрела статус мегарегулятора политических процессов на глобальном и региональном уровнях.

Великая война привела к своеобразной «перезагрузке» понимания места и роли человека в окружающем его мире. Из-под пера философов, литераторов, публицистов вышли труды, авторы которых стремились по-новому, с учетом пережитого ужаса кровавой бойни, оценить предназначение человечества и перспективы его дальнейшего развития. Если раньше общественное мнение под влиянием социал-дарвинистских теорий и националистической пропаганды вполне допускало вооруженную борьбу в качестве одного из наиболее сильнодействующих средств из арсенала внешней политики, то после 1918 г. война была открыто названа преступлением перед человечеством, хотя никакого суда над виновниками ее начала и военными преступниками, уничтожавшими памятники культуры или совершавшими зверства в отношении населения, так и не состоялось. Свою интерпретацию трагических событий 1914–1918 гг. представили многие современники — деятели искусства: писатели и композиторы, архитекторы и скульпторы, художники и кинематографисты.

Не стоит забывать и о том, что Первая мировая война стимулировала научно-техническую мысль. Она вывела машиностроение на новый уровень, способствовала становлению химической, автомобильной и авиационной промышленности, усилила внимание ученых и инженеров к совершенствованию средств транспорта и связи. Массовые ранения, травмы, отравления, эпидемиологические и психические заболевания, которыми страдали миллионы военнослужащих и гражданских

¹¹ Примером публикации исследований по данной проблематике, выполненных на современном уровне, может служить сборник статей: Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012.

лиц в период боевых действий, обусловили необходимость поиска прогрессивных методов профилактики, лечения и посттравматической адаптации жертв войны к условиям мирного времени.

Таким образом, война 1914–1918 гг. явилась подлинным прологом истории так называемого «короткого» XX в., получившего у историков наименование «экстремального»¹². Она способствовала формированию основных векторов политического, хозяйственного и культурного развития планеты, открыв более чем тридцатилетний период крупных и малых вооруженных конфликтов, революционных потрясений, формирования национально-освободительных движений и общей социально-политической нестабильности, окрашенной в цвета противоборствовавших идеологий на этапе завершения формирования индустриального строя. Именно поэтому многие современные исследователи придерживаются концепции «Второй Тридцатилетней войны», проводя аналогию между событиями середины XVII в., окончательно похоронившими средневековые порядки, и процессами, которые по сути сформировали индустриальное общество и государство середины XX в.¹³

В этой связи уместно более подробно рассмотреть те тенденции в изучении истории Первой мировой войны, которые характеризуют современный этап осмысления событий почти столетней давности¹⁴.

Прежде всего большинство ученых сегодня опирается на **междисциплинарную** методологию, творчески применяя подходы, характерные ранее для других смежных наук: исторической политологии, социологии, культурологии, психологии, имагологии и т. п. Яркой иллюстрацией указанной тенденции служит интерес историков к геостратегическим конструктам, которыми руководствовались элитные группы (политики, генералы, магнаты бизнеса) накануне, в ходе различных этапов и после окончания Первой мировой войны. Мы имеем в виду германские планы обретения «жизненного пространства на Востоке», австрийские проекты формирования триалистической империи в Центральной Европе, идеи панславистов относительно объединения всех славянских народов под скипетром русского царя, концепции

¹² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век (1914–1991). М., 2004.

¹³ Russia in the Age of Wars, 1914–1945 / ed. by Pons S., Romano A. Milano, 2000.

¹⁴ Mommsen W. Der Grosse Krieg und die Historiker: neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg. Essen, 2002.

пантюркизма и панисламизма и т. д. В этой связи укажем и на возникшую тенденцию рассматривать проблемы магистральной пространственной военными стратегами, а также разработки ими логистических схем переброски войск, вооружения и боеприпасов между театрами войны на значительные расстояния по сухопутным, морским и даже воздушным коммуникациям¹⁵.

Еще одной отличительной чертой современной историографии выступает преодоление традиционного **европоцентризма** в изучении периода 1914–1918 гг. Исследователи стремятся не ограничиваться анализом событий только на театрах военных действий Старого Света, но подвергают анализу изменение стратегии и тактики государств — участников войны на так называемых второстепенных фронтах, поскольку они оказывали непосредственное влияние на ход решающих сражений. Примеров такого рода можно привести очень много: боевые действия в Палестине и Месопотамии, на островах Тихого океана и на юге Атлантики, в Китае и африканских колониях Германии — все они стали в последние годы предметом серьезного изучения, привлекая внимание общественности. Значительный импульс в этой связи получили исследования степени вовлеченности различных неевропейских народов в боевые действия или их обеспечение. Мы имеем в виду, скажем, участие австралийцев, новозеландцев, индусов и жителей Цейлона (Шри-Ланки), составивших знаменитый АНЗАК, в Галлиполийской кампании 1915 г., канадцев и африканцев — в сражениях на Западном фронте в 1916–1918 гг., частей, сформированных из представителей азиатских народов, — в операциях на Палестинском и Месопотамском фронтах в 1915–1918 гг. и т. д.¹⁶ То же относится к экспериментам с переброской русских бригад на Салоникский фронт и во Францию, использованию португальского экспедиционного корпуса в боях за Фландрию, направлению британских подводников для усиления Балтийского флота, французских летчиков — на Румынский

¹⁵ См., напр.: Военная мысль в изгнании. Творческая мысль русской военной эмиграции. М., 1999; *Angelow J. Kalkuel und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges.* Cologne, 2000; *War Planning 1914* / ed. by Hamilton R., Herwig H. Cambridge, 2009.

¹⁶ См., напр.: *Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East. 1789–1923* / ed. by Karsh E., Karsh I. Cambridge, 1999; *Lake M., Reynolds H. What's Wrong with ANZAC? The Militarization of Australian History.* Sydney, 2010.

фронт, а также проекту использования японских экспедиционных сил в Европе, который остался неосуществленным.

Третьим существенным моментом, на который нам хотелось бы обратить внимание, выступает **компаративизм**, который широко применяется специалистами для выявления общего и особенного в истории Великой войны. Речь может идти о нескольких ракурсах и уровнях исторической компаративистики: *темпоральном*, имея в виду сопоставление ее различных периодов, например кампаний 1914 и 1915 гг., *пространственном*, учитывая специфику военных действий, скажем, на Восточном и Западном фронтах в 1916 г., наконец, *страновом*, подвергая компаративной рефлексии вклад каждой из стран — членов противостоявших друг коалиций в усилия по достижению победы над противником. Целый ряд крупных историков, особенно за рубежом, посвятили фундаментальные труды компаративному изучению Первой и Второй мировых войн, сделав принципиально важный вывод о том, что абсолютное большинство стратегических приемов и технических новинок ведения вооруженной борьбы, нашедших применение в 1939–1945 гг., получили апробацию еще в 1914–1918 гг. Говоря об инновациях в области вооружения, к примеру, следует назвать авиацию и танки, подводные лодки и бронепоезда, огнеметы и отравляющие газы, минометы и дальнобойную артиллерию, колючую проволоку и минные заграждения, многие предметы солдатского быта, начиная от униформы защитного цвета и заканчивая походными котелками. Пожалуй, только атомная бомба и тактические ракеты, использованные воюющими сторонами в последние месяцы Второй мировой войны, не имели прямых аналогов в период Первой.

В заключение обратим внимание еще на одну тенденцию, которая характеризует недавно опубликованные труды по истории 1914–1918 гг., а именно ярко выраженный **антропологический** подход, когда авторы фокусируют внимание не просто на описании боевых действий, но и на анализе эмоционально-психологического состояния воинов в рамках фронтовой повседневности. Изучение жизни в окопах дополняется интересом к рассмотрению проблем выживания в лагерях военнопленных, эвакуационных пунктах и госпиталях, тыловых гарнизонах¹⁷. В сочетании с так называемой *микросторией*, т. е. исследованием

¹⁷ См., напр.: *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999; *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001; *Нагорная О. С.* Другой военный опыт:

роли в войне простых солдат и офицеров, медиков, священников, работников тыловых предприятий, представителей творческой интеллигенции, причем не только мужчин, но и женщин, военная антропология позволяет взглянуть на события уже далекой от нас эпохи с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Речь идет о таких вопросах, как социализация инвалидов войны, помощь государства вдовам и сиротам, изменение этнической композиции и природного ландшафта во время и после завершения военных действий, наконец, сохранение исторической памяти, создание и поддержание в достойном виде воинских захоронений и мемориалов.

Резюмируя, необходимым подчеркнуть, что, несмотря на бесспорные достижения историографии, перед специалистами все еще стоит задача реконструкции объективной, целостной, полифонической картины Великой войны — этого эпохального события новейшего времени, которое, к сожалению, по-прежнему остается на периферии сознания многих граждан России.

Серия мероприятий, приуроченных к 100-летию трагических событий 1914–1918 гг., которые будут проведены во многих европейских странах и, конечно, в России, где решением правительства создан специальный Оргкомитет под председательством спикера Государственной думы С. Е. Нарышкина, позволят не только специалистам, но и широкой общественности прийти к новому, более объективному пониманию значения Первой мировой войны в истории нашей страны и всего человечества.

российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.